

– Вам нечего бояться, – ответил Каа и, повернув голову к обезьянам, свирепо прошипел: – Не двигайтесь...

Никого на свете обезьяны не боялись так, как удава Каа.

Они цепенели под его жутким взглядом и, как во сне, сами шли к нему на верную гибель.

– Не двигайтесь... – прошипел Каа, и обезьяны замерли, как заколдованные.

– Хорошо ли вы видите меня, Бандар-Логи?

– Хорошо, о Каа! – отвечали хором, застывшие от ужаса обезьяны.

– Если так, то начнём пляску Каа – Пляску Голода.

И огромный удав, залитый лунным светом, стал выделять на каменных плитах террасы немыслимые узоры, извиваясь и свёртываясь в кольца. В темноте было слышно только, как шуршит его чешуйчатая кожа. И Багира вместе с Балу, не отрываясь, следили за каждым движением Каа. Наконец снова прозвучал его свистящий голос:

– Бандар-Логи, можете ли вы пошевелиться без моего приказа?

– Нет, не можем, о Каа!

– Тогда подойдите ко мне на шаг ближе!

В тот же миг ряды обезьян покорно качнулись и сделали шаг в сторону Каа.

И даже Балу с Багирой тоже невольно шагнули к удаву. Но Маугли остановил их, и оба зверя вздрогнули, как будто очнулись от страшного наваждения.

– Скорей уйдём отсюда! Нам нельзя здесь оставаться, – зашептали они. – Не будем смотреть, что будет дальше...

И только один Маугли не испытывал страха и был спокоен. Пляска Голода Каа не пугала его. Маугли был человек.

Но друзья сказали правду: им больше нельзя было оставаться в Обезьяньем городе. И очень скоро они втроём были уже далеко в джунглях.

